

8-1

ИНТЕРВЬЮ с КРАСИЛЬНИКОВЫМ Михаилом Михайловичем

26.10.1991 г. Рига

- Расскажите, пожалуйста о Вашей биографии: где, когда Вы родились, где учились.

М.К. - Я родился 9 декабря 1933 года в городе Орше Витебской области, где проходил службу мой отец, военнослужащий.

- А где Вы учились?

М.К. - После этого отца перевели на Дальний Восток в город Хабаровск. Моё военное детство прошло в Хабаровске. Во время войны мы были эвакуированы в связи с тем, что ожидалась война с Японией, нас эвакуировали в Сибирь. Там я поступил в школу, в начальную. Затем снова реэвакуировались в Хабаровск, там я учился в средней школе, а затем, по месту новой службы отца мы переехали в Калининград, Кенигсберг бывший. Там я закончил неполную среднюю школу, семилетку. А после этого с 1948 года мы переехали в Ригу. Здесь я уже закончил среднюю школу, 22-ю среднюю школу.

- А как же Вы оказались в Ленинграде?

М.К. - После окончания школы я поступил в университет ленинградский. На филологический факультет, на отделение журналистики, это в 1951 году. Я жил там до 1956 года. Но с некоторыми изъятиями. В 1952 году меня исключили из университета после появления в "Комсомольской правде" публикации "Тroe с гусиными перьями", такой фельетон.

- А о чём это? Это Вы написали?

М.К. - Нет, это обо мне написали... Неужели Вы не слышали ничего? Последнее время в журнале "Аврора" об этом... вот, в последнем номере, там публикация стихов моего друга, моего коллеги по этой истории, когда нас исключили из университета, из комсомола.

- А что там о Вас написали? Я не знаю об этом фельетоне.

М.К. - Первого декабря 1951 года мы устроили такое небольшое представление. Явились в русской одежде в университет на занятия. А

это был день смерти Кирова, I-го декабря. Естественно, сразу же была дана политическая оценка всему этому.

- А вы сами что имели в виду под этим?

М.К. - А мы ничего не имели в виду. Мы были большими любителями футуризма русского, Маяковского в первую очередь, Хлебникова и так далее. Это такая футуристическая была выходка.

- То есть, захотелось и всё, да? Без всяких...

М.К. - Захотелось и всё, да. В то время - это время было ужасное, ещё Сталин был жив, так что естественно сразу же КГБ на нас пристальное внимание обратило. И потом когда меня уже арестовали, мне следователь показывал это дело, оперативное дело под названием "Неофутуристы". Только издали, естественно, не удалось заглянуть, к сожалению. Там, конечно, были доносы всякие.

- А как звали Ваших друзей? Их тоже потом посадили?

М.К. - Нет, их не посадили.

- Это Ваши университетские друзья?

М.К. - Да. Юрий Михайлов, Юрий Леонидович Михайлов. Вот, кстати, в последнем номере журнала "Аврора", только что полученном мной, публикация его стихов и о нём.

- А с чего всё это началось? В вашей семье какие были взгляды, какие настроения?

М.К. - Взгляды у семьи были самые коммунистические. У меня отец был комиссар политический, батальонный комиссар.

- То есть, Вы это почерпнули не из семьи?

М.К. - Нет, ни в коем случае. В сущности говоря, истоки были чисто эстетические, если можно так сказать, не политические. Хотя интерес к политике у меня всегда был, большой. Интерес ко всяkim оппозиционным движениям особенно.

- А когда этот интерес начал проявляться впервые? В школе?

М.К. - Да.

- А каким образом, ведь то, что Вам преподавали было наверняка насквозь коммунистическим?

М.К. - Конечно. Но во-первых, что-то попадало что-то из литературы, Джон Рид - "Десять дней, которые потрясли мир", Бруно-Ясенского прочёл. /Перерыв в записи/.

(Появляется Алексей Леонидович Волосников, художник).

Конечно поэтому это была история кошмарная. Придан ей был, конечно, невероятный политический смысл. Официально мы были исключены с такой формулировкой: "За аполитизм и политически вредные высказывания". Из комсомола меня погнали и из университета.

- А Вы уже тогда писали стихи, да?

М.К. - Ну так, немножко.

- А какая в стихах была направленность? Просто неприятие того, что происходит... Что именно Вам больше всего мешало жить?

М.К. - Стихи у меня не носили политического характера.

Волосников - Мы знакомы со школы, я некоторые аспекты мог бы добавить, со стороны. Я обучался в Ленинграде в театральном институте у Акимова. /Рассказывает об Акимове/.

- Вы познакомились в школе, да?

А.В. - Мы вместе учились. В 22-й школе.

М.К. - А комсоргом школы был Борис Пugo, но это уже после нас.

А у нас школа была очень хорошая, почти лицейского типа. Только мужская и только старшие классы, начиная с восьмого.

А.В. - Ни сопляков, ни женщин у нас не было.

М.К. - Да.

А.В. - Царила атмосфера демократическая!

М.К. - Да.

- Да, демократическая?

М.К. - Сравнительно да. У нас директор был такой странный человек.

Он последователь и поклонник Макаренко. Он покончил с собой потом.

- А почему?

М.К. - Неизвестно, конечно, как всегда. Но он не ко двору был со своими взглядами педагогическими. Но в принципе школа у нас была очень хорошая, давала хорошие знания.

А.В. - И он неплохой человек был.

М.К. - Да.

- То есть, в школе почти не насаждали всего этого?

М.К. - Идеологию коммунистическую. Конечно насаждали. Тем более, что это же Латвия к тому же ещё, здесь всегда идеологическая чистота - признак.

- А что Вам всё-таки больше всего мешало? Давление? Или то, что коммунистов хвалят, а кого-то другого ругают?

М.К. - Честно говоря, это мне не мешало.

- А эстетическое неприятие чего? (Пауза)

А.В. - Дело в том, что Вы неправомерный вопрос задаёте. Дело в том, что эстетика вообще не имеет никаких точек соприкосновения с идеологией. То есть, то, что у Миши было в этом аспекте эстетики с бывшим в идеологическом плане. Это такой вопрос. Я понимаю, почему затруднительно ответить. Правильно я говорю?

М.К. - Я бы сказал, что имеет отношение. У меня как раз была такая прокоммунистическая направленность, потому что я же из Маяковского исходил, начинал с Маяковского, а Маяковский же очень политичен.

А.В. - Маяковский - негодяй подлый.

М.К. - Ну, тут мы не сойдёмся.

А.В. - Во-первых, сойдёмся. Это же бесконечные разбирательства.

М.К. - Поскольку Маяковский насквозь коммуничен, то у меня тоже так. Но мне не нравилось то, что оплёвывался футуризм в то

время вовсю. А мне он казался...

А.В. - Мне тоже, когда я был совсем дурак. Это я потом понял, что это всё ерундасобачья.

- Почему ерунда?

А.В. - А что футуризм - это хорошо по Вашему? Вы в интервью не можете высказать своё объективное мнение, Вы должны выслушать оппонента. Маяковский, Пабло Пикассо - это *всё* фраера. Совершенные фраера, потому что где начинается конструктивизм, там кончается искусство. /Перерыв в записи/

М.К. - Позывов к политической оппозиционности не было. Да и мотивов ясных. Потому что семья у меня была насквозь коммунистическая, тем более, я уже Вам говорил, что отец был военным комиссаром. Брат был офицер и тоже коммунист.

- А потом, после того, как все эти события с Вами произошли, Вас исключили из университета, у Вас был какой-то разрыв и с семьёй тоже?

М.К. - Нет.

- Они к этому отнеслись нормально?

М.К. - Отнеслись нормально.

А.В. - Они писали в лагерь: "Не за то одели серые шинели..."

М.К. - Нет, это не то. В семье были нормальные отношения.

- В 1953 году смерть Сталина, а потом разоблачение его Хрущёвым какое на Вас впечатление произвело?

М.К. - Особо нового для меня лично ничего не было. Я всё-таки всю жизнь прожил в Сибири и на Дальнем Востоке, всё видел и 1937 год немножко зацепил, когда из моего дома была арестована половина офицеров, командиров, коллег моего отца. Но отец к счастью не пострадал тогда.

- То есть, Вы всё это видели до того?

М.К. - Видел, да.

- А венгерские события?

М.К. - А вот венгерские события... У меня был друг венгр. Учились мы вместе в университете. Александр Ходер. Он сам живёт в Канаде. Может быть, сейчас уже и в Венгрии, но он жил в Канаде. Эмигрировал после событий. Я помню /смеётся/ когда он уезжал из Советского Союза, мы сидели, провожали его, выпивали. Он никак не хотел пить. Я сказал ему: "Знаешь, что, сейчас ты выпьешь всё равно. У меня есть такой тост, который ты не сможешь не выпить. Давай выпьем за Венгрию без Вакаса. И тут действительно он уже не в силах был не выпить. Так что к венгерским событиям у меня было немножко личное отношение, связанное с дружбой с этим венгром, очень приятным человеком. Ну, естественно, необычные события. Хотя как необычные? До этого же было уже в Берлине в 1953 году то же самое по сути дела. 17 июня 1953 года.

А.В. - Потом в мадьярском городке под Будапештом, там их всех перестреляли, русских. Татьяна, супруга моя теперешняя рассказывала, что там получилось так, что включили боевую тревогу, взяли пост, мужчины высаживали, а они их резали штыками, а женщин и детей уже потом отдельно душили, резали. Это редкая информация, мало кто знает.

М.К. - Жестокости были со всех сторон.

А.В. - Это нужно было, чтобы танки туда ввести, надо было, чтобы их перерезали. Нужно было кровопускание, чтобы танки вошли и их отдели на заклание, этих людей. Под Будапештом весь гарнизон был перерезан с детьми и с женами. /Перерыв в записи/

- В 1952 году, когда вы пришли туда с гусиными перьями, в русских одеждах, Вы не ожидали такой реакции? Что могут быть такие меры по отношению к вам?

М.К. - В известной степени ожидали, конечно, потому что время-то было очень глухое, тяжёлое.

- Вы хотели проявить себя, несмотря ни на что? Это было средство самовыражения?

М.К. - Да, да, хэппенинг, как правильно Уфлянд заметил.

- Я хотела спросить насчёт стихов. Вы что-то писали, может быть прочтёте какое-нибудь стихотворение, которое наиболее отражает Ваши чувства и взгляды того времени?

М.К. - Нет... Во-первых, я никаких политических взглядов не высказывал в стихиях.

А.В. - Эстетика не имеет никакого отношения к политике.

- А что на демонстрации было? С чем это было связано?

М.К. - Это было ни с чем не связано, это было спонтанное действие.

Тоже хэппенинг.

- А что Вы там кричали?

М.К. - Ой, кричал ужасные вещи. Долой коммунизм! Долой советскую власть! Долой Хрущёва! Долой партийную клику! Да здравствует свободная Россия! Да здравствует свободная Венгрия! Да здравствует свободная Латвия!

- У Вас был громкий голос? Многие слышали?

М.К. - Да.

- А "отдайте Насера крокодилам" вы кричали?

М.К. - Нет, такого не было, нет.

- То есть, Вам захотелось вдруг и Вы совершенно заранее к этому не готовились?

М.К. - Нет, это спонтанно так получилось?

- То есть, услышав, скажем "миру-мир" Вам захотелось кричать что-то противоположное?

М.К. - Да, отчасти можно и так это расценить.

А.В. /неразб/

- То есть, Вас настолько уже это раздражало?

А.В. - Конечно раздражало.

М.К. - Конечно, раздражало.

- Но ведь раздражало очень многих, но не многие об этом говорили вслух.

М.К. - Оппозиционность во мне всегда была какая-то, я это чувствовал. Нон-комформизм, если можно так сказать. Это во мне было заложено всегда.

- А почему Вы не боялись этого вслух произнести?

А.В. - Потому что у него страха не было.

М.К. - Да, в тот момент не было страха.

А.В. - Сонечка, Вы его замучили совсем.

М.К. - Да нет...

А.В. - Я первый раз присутствую при интервью, очень интересно.

М.К. - Да? /Перерыв в записи/

У нас был общий следователь, у меня и у Гудзенко. Не могу о нём ничего плохого сказать. Он был корректен очень во время всего следствия. И так относился с симпатией. А потом, когда я вернулся после освобождения, я решил, я же был взят с первого курса университета, мне оставалось только диплом защитить и всё, я как-то попытался восстановиться. Там, конечно, со мной никто и говорить не хотел. Был такой проректор по заочному обучению, некто Сафонов. Он сказал так: "Человек, совершивший диверсию на идеологическом фронте, он не вправе рассчитывать на восстановление на идеологический факультет, филологический. С журналистики я был изгнан ещё в 1952 году, а потом я был уже на русском отделении. И случайно, как раз Родион Гудзенко сказал: "Слушай, обратись к нашему следователю, Гольцеву". А он его недавно встретил, как раз Родион. /реплики А.В./ А Родион мне говорит: "Знаешь, обратись к нему", телефон мне дал, как-то говорит "иду я по эскалатору в метро, а навстречу Гольцев, следователь". Он так на него поглядел: "Родион Степанович, чего

не звонишь, не заходишь!" И я по данному телефону позвонил, и мы договорились с ним встретиться около КГБ, внизу на Литейном. Он вышел и говорит: "Как дела, Миша?" Я сказал, что дела так, восстановиться в университете не получается. Так мне сказали. Он говорит: "Знаешь, что, зайди завтра в ректорат." Ну хорошо, зайду. Зашёл, и правда совершенно изменилось отношение ко мне на сто процентов. Оказывается, он там накануне был и устроил этому Сафонову втык, сказал, что он не вправе решать, совершил я идеологическую диверсию, или нет, это только они, только КГБ вправе решать такие вещи. То есть, он мне помог восстановиться в университете.

- Он был в Вам хорошо настроен?

М.К. - Он ко мне хорошо относился.

- И при этом Вас помог осудить?

М.К. - Да, конечно. Он потом вообще прославился, "случившийся рабочий", когда, помните, английский военный атташе Хилтон был задержан в Ленинграде, якобы при попытке съёмки какого-то военного завода. Он был задержан "возмущёнными рабочими". Во главе этих возмущённых рабочих был как раз мой следователь, Гольцев. Но тем не менее он начинал моё следствие, но кончал его.... Было признано, что он плохо провёл следствие. И кончал его другой уже следователь, Поляков.

- Вас тогда арестовали сразу же, как Вы всё это прокричали?

М.К. - Да.

А.В. - Как он прокукарекал, так его и повязали.

— И куда Вас отправили?

М.К. - Сначала на площадь Урицкого, в Управление внутренних дел, а оттуда уже повезли, немножко подержали, но нас милицейская машина взяла. Как сейчас помню, некто подполковник Малышев, который там дежурил с машиной. И вот в КГБ я читал показания Малышева,

Он услышал крик, Саша /Хинаев ?/ кричал: "Да здравствует свободное студенчество!"

- Ещё кто-то с Вами там был?

М.К. - Со мной было несколько человек, да. Но по делу прошёл я один.

- А почему так получилось?

М.К. - Потому что только на меня были улики.

А.В. - Надо было, чтобы он один шёл, если бы один, то было бы хуже.

М.К. - Это само собой, срок был бы больше.

- Повезло, что не групповое дело.

М.К. - Повезло, это не то слово. Я всё для этого делал.

А.В. - Они бы получили все по два-три срока.

/Перерыв в записи/

М.К. - Потом оттуда, с Дворцовой площади отвезли в КГБ. Ну, и сразу начались допросы. Там следователя ещё у меня не было, были дежурные допросчики. Тогда это же было 7 ноября, праздничный день.

А.В. - Тебя оставили в покое?

М.К. - Нет, не оставили в покое. Меня допрашивали несколько человек. Допрашивали все дни, да.

- И сколько продолжались все эти допросы?

М.К. - Сначала, до предъявления объявления три дня. Потом уже было предъявлено обвинение, мне был назначен постоянный следователь.

- Обвинение в антисоветской агитации?

М.К. - Да.

А.В. - Били?

М.К. - Нет, были очень корректны. Хотя я думал, что сейчас начнутся пытки, но к счастью этого не было. /А.В. неразб./

- А кто ещё с Вами проходил по делу?

М.К. - Карл Лаува, студент университета, тоже филфака, Китаенко из Горного института. Но они все прошли только как свидетели. Им обвинения не было предъявлено, хотя их подержали там несколько дней. Был ещё такой Станислав Викторович Грудинин, студент военно-механического института. Его отец - видный ленинградский журналист, а в последние годы был директором издательства "Советская Россия". /Диалог неразб./

- Там они Вас спрашивали отчего, почему, как Вам пришла в голову такая мысль...?

М.К. - Допрашивали, требовали. Я категорически отказался давать показания, заявил, что ничего не помню, что был выпивши. Выпивши я действительно был.

А.В. - Зря.

М.К. - Почему?

А.В. - А потому что они тогда тебе могут лепить всё, что хочешь, если ты не помнишь. Они тебе могут написать, ты будешь опровергать, и тут они тебе скажут: "Ты же не помнишь, о чём ты говорил"

М.К. - То, что я говорил, того уже хватало на срок, так что я не очень этого боялся.

- Какое в Вас было представление о КГБ до того, как Вас арестовали? Что Вы знали?

М.К. - Я знал, что пытки будут. Ипроче. Самое негативное было отношение, конечно.

- Вы же знали, что Вас могут арестовать. Получилось лучше, чем Вы представляли, или хуже?

М.К. - Лучше, потому что всё ограничивалось нормальным следствием. Не избивали, не пытали.

- Суд был?

М.К. - Конечно.

А.В. - Суд был закрытый, конечно?

М.К. - Конечно.

А.В. - В то время все суды такого типа были закрытыми. Даже товарищи не могли прийти, послушать, что там делается.

- Только родственники и свидетели?

А.В. - Свидетели были - дворники, милиционеры.

М.К. - Нет, до начала судебного следствия, когда только ознакомительная процедура, тогда можно.

- После этого Вас быстро отправили в лагерь?

М.К. - Нет, долго. У меня как-то странно. Первый состав суда меня отказался судить по 58-й статье. Вот почему следователь был сменён - некачественно провёл следствие. А суд не предварительном заседании решил меня осудить по хулиганке, за хулиганство, это не 58-я статья. По 74-й хотел меня суд судить.

- Сначала сменили следователя, потом докончили дело, да?

М.К. - Да, и тогда уже осудили.

- А потом Вы в Мордовии были, да?

М.К. - Да.

- В каких лагерях, там их по-моему, у Вас много было?

М.К. - Седьмой л/п, седьмой первый, одиннадцатый, пятый, четырнадцатый. Пятый штрафной.

- Расскажите пожалуйста, о людях, которых Вы встретили там, кто Вам запомнился?

М.К. - Это надо начинать с внутренней тюрьмы КГБ. Это было очень странно. Только в "библиотечке военных приключений" я о таких читал. Был такой Валя Антонов, американский шпион. Его раньше я слушал по "Голосу Америки" под псевдонимом Джордж Глебов. Он выступал.

с программами о выборах президента в Соединённых Штатах. Я с ним сидел. Этот первый был. А потом более близкие мне по возрасту и по характеру - Родион Гудзенко, Саша Гидроны.

- В одной камере сидели с Гудзенко?

М.К. - В разное время. Мы сидели в смежных камерах. Начали перестукиваться. У нас был там один очень приятный парень, Юра Левин, может быть, слышали о нём?

- Да.

М.К. - Он обучил нас всех азбуке Морзе. Мы начали перестукиваться.

- А Вы знали Гудзенка до того?

М.К. - Нет, но у нас были общие знакомые. Познакомился я с ним так. Сначала через перестук. А потом надзиратели поняли, что мы перестукиваемся, ссадили вместе и мы сидели вместе.

- А не перестукивались по системе народовольцев?

М.К. - Нет, по азбуке Морзе. Нас Левин обучал, он знал её.

А.В. - А ты сейчас помнишь азбуку?

М.К. - Нет. Я сейчас не помню.

- Вы сначала сидели в смежных камерах. А кто с ним был?

М.К. - С Родионом Гудзенко был такой Аркадия Белоусов. Он, по-моему, из Луги. Фотограф был. В разное время нас всё время тасовали, меняли. Но в тюрьме самые близкие мне люди были Юра Левин, Родион Гудзенко, Саша Гидроны, он тоже был студентом филологического факультета. Ну, а дальше уже потом этап в Мордовию.

- А кто с Вами был на этапе?

М.К. - На этапе со мной были ребята из Петрозаводска. Такой Витя Смайкин, Игорь Панов, затем Юра Лесопасский. Он киевлянин, служил в Карелии в армии. Сейчас он уехал куда-то на Запад. Киевлянин.

- А этап был только политический, или смешанный с уголовниками?

М.К. - Потом уже в вагоне были и уголовники, конечно, а нас-то собирали только политических сначала.

- А уголовники Вас не преследовали?

М.К. - Нет, никаких конфликтов не было.

- А были какие-нибудь эпизоды, конфликты с начальством у Вас или ещё у кого-нибудь?

М.К. - Да пожалуй нет, ничего запоминающегося не произошло, в смысле конфликта.

- А из людей там кто был, в Мордовии?

М.К. - В Мордовии огромное количество. Никита Игоревич Кривошеин.

- А он за что там оказался? Он из Ленинграда?

М.К. - Нет, москвич. Он внук царского министра. Знаменитого Кривошеина. Врангелевского премьера. Он какую-то публикацию во французской газете о советской литературе напечатал. За это посадили его. Но ему дали немного, три года всего.

- А Вы Ваши стихи нигде не публиковали в самиздате?

М.К. - Нет.

А.В. - Ну, почитай стихи! Он так хорошо читает! А вот сейчас не хочет...

М.К. - Нет! Не печатались нигде.

- Потому что Вы не хотели, или возможности не было?

А.В. - В "Авроре" напечатали.

М.К. - Это сейчас напечатали, а тогда - не было. Я не ставил себе целью, я не считал себя поэтом.

- Не считали себя поэтом?

М.К. - Нет, не считал.

А.В. - Считал, считал. Но он без тщеславия человек. А если и есть тщеславие, то оно глубоко запрятано. Искусство сделать - не на публику выдать. Это что-то внутреннее.

- Вы писали для себя?

А.В. - Не для себя, а для всех.

М.К. - Я не ставил себе целью печататься, получить литературную известность, нет, такой цели у меня не было никогда.

- А.В. - Почитай, Миша.

- М.К. - Нет, не буду.

А.В. - Ну, Лёвина почитай.

М.К. - Нет, нет.

А.В. - И Лёвина не хочешь?

М.К. - Никого не буду.

- Это было только в своём кругу? Вас было несколько человек?

М.К. - У меня был очень большой в Ленинграде круг. Кушнер, Ярёмин, Виноградов, Серёжа Кулле, Лёша Лифшиц, ныне известный как Лев Лосев.

- Вы читали друг другу, не пытались распространить стихи, идеи?

А.В. - Тенденция увязать с идеологией обязательно!

- Ничего подобного.

А.В. - Тенденция этику с идеологией спутать. Почему вообще люди стихи пишут? /Перерыв в записи/

- Расскажите пожалуйста о лагере поподробнее.

М.К. - Там достаточно было очень хороших людей. Киевские друзья у меня были прекрасные Алик Фельдман, Толя Порташников, сейчас они живут, правда, в Израиле, Саша Ярошенко, тоже Киевлянин, Борис Марьян, молдавский поэт, он тоже был арестован в Киеве, москвичи тоже многие. Восстановилось дружеское общение с ленинградцами, которые там были тоже. С Родионом Гудзенко. ?

- Вы в анкете писали, что в лагере встретили много людей Вам подобных, которые именно из-за эстетического неприятия туда попали.

М.К. - Я бы не сказал, что много, нет. /Перерыв в записи/

- А какое было отношение со стороны властей. Как-нибудь оскорбляли, притесняли?

М.К. - Да нет, в рамках режима, ничего специально плохого не было.

Время было очень хорошее. Тогда старый режим уже провалился, а новый ещё не сложился.

- Вместе с Вами были люди, которые сидели со сталинских времён?

М.К. - Конечно. Бандеровцы, националисты литовские, латышские.

- Какие у Вас с ними были отношения?

М.К. - Не очень хорошие были отношения. Я не любил националистов и сейчас не люблю их, по-прежнему. Но отношения были нормальные, нормальные, без большой любви, конечно.

- Вы были в штрафном лагере. С чем это было связано?

М.К. - А это было ни за что, просто так.

А.В. - А он бриться отказывался.

М.К. - Да нет... Тогда просто была/~~студенческая~~ забастовка?/
/Перерыв в записи/.

СТОРОНА 2

- Именно забастовка политических, или общелагерная?

М.К. - Политических. А у нас были чисто политические лагпункты. С уголовниками я сидел только в штрафном лагере вместе. Тот был общий.

А.В. - Плохо с ними сидеть?

М.К. - Нет, ничего.

А.В. - Не трогали?

М.К. - Нет.

А.В. - А я уголовникам даже больше доверяю, чем политическим, у меня были три раза друзья - уголовники. Отличные люди. А политические все - интеллигенты с выкрутасами. А ты так не считаешь?

М.К. - Нет, не считаю.

- А много было студентов?

А.В. - Весь их лагерь был из студентов.

М.К. - Много, всех, посаженных в 1956 году считали студентами, называли студентами, молодёжь была в основном, студенты - москвичи, ленинградцы.

- Все по разным поводам...

М.К. - В основном всё это было связано с венгерскими событиями.
Перерыв в зап./

- У Вас нет сейчас настроения говорить?

М.К. - Нет.

27.10.1991

- Я в статье прочитала про журнал, который вы издавали, "Брынза".
Что это был за журнал?

М.К. - Да нет, такого журнала не было.

- Это неправда, да, то, что там написано?

М.К. - Это был такой типа альманаха, разовый, не журнал, конечно.

- Альманах, в который вы иногда собирали стихи?

М.К. - Да, не иногда даже, а один раз. Так что это ни в коем случае не журнал.

- "Брынза" или "Съедим брынзу", как он назывался?

М.К. - Дело в том, что первоначально у нас было две фракции. В одну входили Юра Михайлов и Эдик Кондратов, а в другую я и Володя Сокольников такой. Они издали "Брынзу", а мы - даже не издали её, а мы просто объявили о том, что мы издадим "Съедим брынзу". Так что это было всё-таки юткой.

- Это было в каком виде? Отпечатано на машинке?

М.К. - Да.

- А кто печатал? Вы сами?

М.К. - Сами.

- Только ваши стихи?

М.К. - Да.

- А среди этих двух групп все были последователи Маяковского и

Лукьянов

футуристов, или там были разные взгляды?

М.К. - В основном ориентировались на Маяковского и футуристов. Мой приятель Володя Сокольников, он, правда, был не совсем друг, мы с ним просто жили вместе и учились в одной группе. Он был есенинец. Есенина мы не признавали ни в какую.

- А почему?

М.К. - Считали, что он бесконечно ниже Маяковского и его соратников.

- Из тех людей, с которыми Вы издавали эти "Брынзы" кто-нибудь стал поэтом, профессиональным?

М.К. - Нет, никто не стал.

/Перерыв в записи/

- Расскажите пожалуйста про политическую забастовку. Какие причины были? Или повод какой-то?

М.К. - Я что-то не помню какого-то повода. "Долой антиконституционную 58-ю статью, требуем комиссии Верховного Совета!" Ничего конечно этого не было.

- Это может быть, было связано с тем, что в 1956 году многих освобождали и реабилитировали?

М.К. - Да, да, конечно... конечно. А в том лагере где я сидел, там очень много преступников оставалось со времен войны. Полицейских бывших.

- Полицаев?

М.К. - Да. И они в общем-то оставались сидеть, и у них сроки были безумные, конечно. Поэтому они в основном бастовали тоже.

- А какое впечатление производили эти полицаи?

М.К. - Хорошего мало, я с ними не особенно контактил.

- Были такие моменты, что сразу очень много народа освободили?
Повальное освобождение?

М.К. - При мне такого не было. Это было до меня. Я же в лагерь прибыл только в августе 1956 года. Меня довольно долго держали во внутренней тюрьме, КГБ, очень долго.

Почти год, считайте. Я был арестован 7 ноября, а выехал оттуда только в конце августа. Это было связано с тем, что два раза следствие шло, суд откладывался, а потом ещё фестиваль молодёжи в Москве. Тогда этапы шли через Москву. Поэтому лишний месяц мне в тюрьме пришлось провести.

- А так через Москву шли?

М.К. - Через Краснопресненскую пересыльную тюрьму.

- Вас не грабили по дороге уголовники?

М.К. - Нет, это могло быть, но со мной лично ничего такого не случилось.

- В лагере жили вместе новые политические, старые политические?

М.К. - Все вместе.

- Не голодали там? Как было с этим?

М.К. - Нет, в то время было довольно хорошо. В смысле того, что посылки без ограничения шли. От родных и от друзей. И можно было приобрести что-то там в ларьке. Я ~~освободился~~ своевременно, в 1960 году, а после этого было ужесточение режима.

- Вы помните Кулябко И.Б. - он в лазарете работал, кажется.

М.К. - Да, немножко помню, но так я с ним близок не был.

- А такого человека Фомченко знаете?

М.К. - Нет.

- ~~■~~ Молострова?

М.К. - Мишу Молострова помню, конечно. Их в 1960 или в 59-ом привезли в Мордовию. Так что довольно поздно я его узнал. Их сначала отвезли в Тайшет, по-моему, в Тайшетские лагеря. А потом, когда стали концентрировать всех в одном месте, у нас в Мордовии их привезли.

их привезли.

- Вы не помните, там были священнослужители?

М.К. - Очень много. Невероятное количество было посаженных за ~~сектантов~~ веру. Там были главным образом свидетели Иеговы, пятидесятники, истинно православные и тихоновцы, которые не признавали после Тихона других патриархов. Очень много было и православных священников.

- Это с каких времён в основном?

М.К. - Некоторые с очень давних. Я даже помню, лежал однажды в больнице, грипп был у меня, в 1957 году. И со мной рядом лежал человек, сектант религиозный, может быть, даже и не сектант, может быть, и православный, сидевший с 1923 года.

- Сколько же ему было лет? -

М.К. - Достаточно много. Он уже больше тридцати лет сидел.

- А как его звали?

М.К. - Не помню.

- А они не пытались проводить своих праздников религиозных?

М.К. - Наверное, это было. Я не знаю. Потому что я религией не интересовался совершенно. В то время.

- Они были все вместе, да?

М.К. - Да, вот они-то были все вместе. Пятидесятники с пятидесятниками, иеговисты с иеговистами. У них-то была духовная общность.

- Они на общих основаниях работали?

М.К. - Так же, как и все мы.

- А где Вы работали, на каких работах?

М.К. - На лесопилке главным образом. Я вообще-то не очень старался работать - старался работать как можно меньше. Но вот один раз мне пришлось очень тяжело, работать на лесопилке. Это был, действительно, каторжный труд . Очень тяжёлый.

- А как Вам удавалось отлынивать? На каких других работах?

- Ни на каких.

- А как так получалось? Там же должен был быть жёсткий контроль?

М.К. - Он и был, но это время было такое хорошее, мягкое, либеральное. Всё-таки можно было крутиться как-то.

- Кроме лесопилки там ничего и не предлагалось, да?

М.К. - Почему, работ было много. В основном, там мебельное производство. В Мордовии. Ну, и сельхозработы, строительства. Я работал тоже, конечно. Больше всего на лесопилке. А так эпизодически и в строительных бригадах, кирпичном заводе работал и в так называемой аварийной бригаде. Погрузка - выгрузка.

- Леса, да?

М.К. - Леса и не только леса.

- А иностранцы в лагере были?

М.К. - Были, но немного.

- А кто был?

М.К. - Бельгийцы были из бельгийского фашистского легиона, взятые в плен. С 1943-44 года. Видимо так. Немцы были, но немного. И в основном советские немцы. Из Одессы, из Молдавии, с Украины.

- А шпионов не было?

М.К. - Были.

- Из каких стран? (Пауза)

М.К. - Трудно сказать, потому что ведь это ещё не значит, что действительно он шпион, если он осуждён за шпионаж. Там шестой пункт - шпионаж. А может быть, он и не шпион никакой. Всякое бывает, не проверишь. Там же не знаешь. Приговор не читаешь.

- Никого конкретно не помните?

М.К. - Помню. Я уже называл вчера - Валя Антонов такой. Американский шпион. Осужден как шпион.

- Я не поняла, почему он - американский шпион.

М.К. - Он служил в группе советской армии в Германии, перешёл на сторону американцев.

- Он был уже не молод, да?

М.К. - Был уже не молод. Участник войны, воевал. Он туда перебрался, я не знаю, в силу каких причин, сотрудничал с Голосом Америки, выступал оттуда. Кончал какую-то школу шпионскую американскую.

- А что с ним потом стало, не знаете?

М.К. - Сейчас не знаю точно его дальнейшую судьбу. У него была очень странная история в том смысле, что ему на суде дали очень маленький срок. Ниже низшего предела. Дело в том, что, по его словам, среди судей обнаружился его военный товарищ, военных лет, с которым они вместе воевали. И поэтому дали ему очень маленький срок, шесть лет. Минимальный срок по этой статье было 10 лет. Минимальный срок за измену Родине десять лет.

- Это какая статья?

М.К. - 1⁶, по-моему, "измена Родине, совершённая военнослужащим". В приговоре было оговорено, что срок "ниже низшего предела". Вот не знаю, куда он делся.

- За что попали в лагерь Ваши близкие друзья, о которых Вы вчера говорили? Ярошенко?

М.К. - За диссидентство попали и за инакомыслие.

- Чем отличался штрафной лагерь от нештрафного?

М.К. - Считалось, что в штрафном был более строгий режим. Но в то время там было очень неплохо. Терпимо, точнее. А потом его уже ужесточили и устроили. До последних пределов. Штрафной лагерь был на пятом, пятое лаг. отделение. Это было так - территория, размером с футбольное поле, внутри которого стоял барак. Вот и всё, вся наша территория.

- Там было очень перенаселено, в этом бараке?

- Нет.

- А как-то проявлялось в работе, в кормежке то, что он был штрафным?

М.К. - Даже тогда не было ограничений ни на почту, ни на посылки, ни на что. Это такое странное время было очень. Хорошее, в этом смысле. Очень недолгое.

- То есть, это просто так называлось, для их отчётности? Для Вас ничего не изменилось?

М.К. - Мало что изменилось.

- А кто ещё туда попал, кроме Вас?

М.К. - Все там были. И Гудзенко там был, и Ярошенко.

- Одновременно?

М.К. - Нет, Гузденко раньше там был, потом его отправили на общий режим. Я позже. И Марьян там был.

- А Гудзенко за что туда попал?

М.К. - А, ни за что, как хотел оперуполномоченный, так и оформлял. В основном - по возрастному признаку, молодёжь. Изолировали туда. Некоторая, большая строгость там была. На общем режиме, там и кино показывали, можно было и спортом заниматься. Всё-таки. А здесь на ограниченном пятаке ничего, конечно, не было.

- Спортом даже можно было заниматься?

М.К. - Да, там играли и в футбол, и в волейбол.

- Они предоставляли даже мячи?

М.К. - Да.

- А с чем ещё можно было, кроме как с мячом? Чем ещё можно было заниматься?

М.К. - Любым видом спорта, кроме требующих инвентаря.

- Из инвентаря только самые простые?

М.К. - Мячи, да.

- А как там было со свободным временем? Сколько времени работали?

М.К. - Работали на общем основании, также, восемь часов. Утром рано начинался, где-то в восемь, или в восемь тридцать, уже не помню точно. И соответственно через восемь часов отводили обратно в трудовую зону, и это уже было время, которое твоё.

- Занимались чем хотели?

М.К. - Угу.

- А отбой был?

М.К. - Да. Часов в десять, в одиннадцать.

- А книги можно было читать?

М.К. - Да. Там и библиотека была тоже. Но главным образом мы, конечно, получали. Все. Читали в основном своё.

- А библиотека из каких фондов формировалась? У вас потом изымали книги?

М.К. - Нет, первоначально я не знаю, из каких она фондов сформирована. Это централизованные фонды. Положено было иметь библиотеку, значит, они её имели.

- Какие там книги были?

М.К. - Издания последних лет... А вот в Большом доме была библиотека, конечно, фантастическая. Прекрасная. Вот там она была конечно скомплектована из собраний репрессированных в тридцатые годы. Чего там только не было! Полное собрание сочинений Уайльда и Метерлинка полное собрание сочинений я с удовольствием прочитал.

Киплинг был. В Большом доме библиотека прекрасная. Правда, там одно время были ограничения. Сначала там не было ограничений - бери сколько угодно, читай. А потом стали одну книгу в десять дней. Ну, в камере сидишь - два-три человека, уже мы сговариваемся, что брать. А в лагере было в основном то, что присыпали друзья с воли. Там библиотека была, конечно, очень убогая. Лагерная.

- Вы даже с друзьями могли переписываться, не только с родственниками?

М.К. - Да, тогда не было никаких ограничений на переписку. Прекрасно было. Так что я со всеми друзьями переписывался.

- А из семьи Вам присыпали книги?

М.К. - Нет... не из семьи. Друзья присыпали книги. С книгами было хорошо, потому что не только я, мои друзья получали их тоже.

- А в лагере было свободное перемещение - из барака в барак. Куда хотите, туда идёте?

М.К. - Да.

- В лагере известны были стукачи?

М.К. - Более-менее да. О них знали, или догадывались, по крайней мере. Тут дело субъективное. Трудно было с уверенностью говорить что кто-то обязательно стукач, но какие-то сомнения, осторожность конечно нужна была.

- Их избегали?

М.К. - Нет, относились, как к неизбежному злу. Они и сами догадывались, конечно, что они подозреваются. Но со стопроцентной уверенностью трудно сказать, стукач он, или не стукач. Заводит провокационные разговоры, или эти разговоры кажутся провокационными. Начинаешь относиться настороженно. Но стопроцентной уверенности почти никогда не было.

- А к Вам с этим не приставали, Вас не пытались вербовать?

М.К. - Нет.

- А администрация была многочисленная?

М.К. - Да, достаточно. В каждом лаготделении были уполномоченные, которых называли "кумовья", "кумы".

- А какой был ещё жаргон? Политический?

М.К. - Это не политический, это общелагерный. А больше я не при-

помню.

- А были какие-нибудь моменты, которые запомнились как положительные в лагере? Что-то для себя Вы оттуда вынесли?

М.К. - Да, несомненно. Дружеские связи, дружеские контакты. Потому что очень много прекрасных людей было. С ними я по-прежнему поддерживаю дружеские отношения. Со многими из них. Я уже их называл, все перечисленные. Пустынцев, Родион Гудзенко, Саша Ярошенко. Ярошенко ко мне приезжал пару раз. В позапрошлом году у меня трагедия - жена умерла, я остался совсем один, Саша ко мне приезжал раза три из Киева, поддержал. Марьян приезжал и Родион Гудзенко приезжал. Вот Пустынцева я только давно не видел уже.

/Перерыв в записи/

- Как Вы относитесь к интервью? Вам не трудно всё это вспоминать?

М.К. - Без большой охоты, конечно, вспоминаю.... Конечно, когда мы встречаемся с лагерными друзьями, мы с удовольствием вспоминаем прошедшее. А так - себя настроить на воспоминания, это трудно.

- Очень сильно преломилась жизнь в лагере? Вас в чём-то это сломало?

М.К. - Думаю, что нет - нет.

- А потом Вы работали не по специальности, да? Не филологом?

М.К. - По-всякому. В основном, конечно, не по специальности. Я работал в Бюро Путешествий рижском. Составил путеводитель по Риге.

КРАСИЛЬНИКОВ Михаил Михайлович

226046 Рига

ул. Дрейлиню д.14 кв.34 тел. (0132) 624750

Интервью взяла Софья Чуйкина /Санкт-Петербург/ 26-27.10.1991.